
ТЕОРИЯ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ И ПРИТЯЗАНИЯ ГЕГЕМОНИЗМА

Вебер А. Б.*

В XX в. масштабы экономической деятельности человечества далеко вышли за пределы биосферного потенциала планеты. В условиях грозящего истощения природных ресурсов, разительного неравенства в их использовании и растущей потребности в них развивающихся стран правящие круги более успешных и богатых государств теряют былую уверенность в прочности достигнутого благополучия. Опасение утраты доминирующих позиций в мире во многом объясняет проявления агрессивного имперского гегемонизма в международной политике США. Она недальновидна и бесперспективна, потому что антагонизирует остальной мир, порождает конфликты и угрозу войн, становясь в конечном счете разрушительной для любого претендента на мировое господство.

Ключевые слова: экологический кризис, несущая способность экосистем, глобальное неравенство, общество потребления, имперский гегемонизм, устойчивое развитие.

In the twentieth century, the extent of human economic activity went far beyond the biosphere potential of the planet. In the face of the looming depletion of natural resources, the striking disparities in their use and the growing need for them in developing countries, the ruling circles of more successful and rich countries are losing their former confidence in the stability of achieved well-being. Fear of the loss of dominant positions in the world largely explains the manifestations of aggressive imperial hegemony in the U.S. international politics. It is short-sighted and unpromising, because it antagonizes the rest of the world, generates conflicts and the threat of war, ultimately becoming destructive to any contender for world domination.

Keywords: environmental crisis, carrying capacity of ecosystems, global inequality, consumer society, imperial hegemony, sustainable development.

В экспертном сообществе сложилось понимание того, что социальное развитие необходимо изучать, оценивать и прогнозировать в самом широком социо-природном контексте, то есть с точки зрения взаимосвязи и взаимовлияния общества и природной среды. Первооснова, необходимая предпосылка этой взаимосвязи – *обмен веществ* человека с внешней природой, те процессы, которые еще называют «социально-экологическим метаболизмом» [Яницкий 2016: 14]. Но со-

* Вебер Александр Борисович – д. и. н., доцент, г. н. с. Института социологии ФНИСЦ РАН. E-mail: mailbox@polisma.ru.

циальное развитие – нечто большее, чем просто «обмен веществ». Природу и общество можно и нужно рассматривать в их взаимосвязи, как единую систему, но с той оговоркой, что социальное развитие существенным образом отличается от биологической эволюции.

Положение человека как наделенного *сознанием* действующего субъекта мировой системы двойственно: с одной стороны, растет его воздействие на окружающую среду, с другой – увеличивается его зависимость от вызываемых вследствие его деятельности изменений в состоянии окружающей среды. Столкновение этих противоположных тенденций постепенно усиливалось по мере развития цивилизации, особенно с переходом от традиционного к современному обществу.

На более высоком уровне развития научно-технический прогресс, промышленная революция, индустриализация, урбанизация, успехи медицины создали ситуацию, когда антропогенное воздействие на природную среду стало выходить за пределы «несущей способности» экосистем. Решающий сдвиг произошел в XX в.: за столетие мировое население увеличилось почти в четыре раза, совокупный продукт (ВВП) вырос в 17,6 раз, потребление всех видов энергоресурсов – в 10 раз, минерального сырья – почти в 30 раз [Данилов-Данильян 2006: 239].

Человек и Природа

...Естественный мир – это не бездонный источник, из которого человек может черпать до бесконечности, а целостная экологическая система, частью которой является сам человек и которую он не может нарушить без катастрофических последствий для самого себя.

Арнольд Тойнби

Глобальный экологический кризис возник как непреднамеренный результат возросшего до планетарных масштабов воздействия человека на внешнюю природную среду. Возможные последствия этого предсказывались давно. Знаменитый французский естествоиспытатель Жан-Батист Ламарк, развивая теорию эволюции живых организмов, допускал, что человек – вершина этой эволюции – может когда-нибудь сделать земной шар непригодным для обитания и обречь тем самым человеческий род на уничтожение. Но прошло еще много времени, прежде чем действительные масштабы угрозы были осознаны в научном сообществе.

Теперь последствия хозяйственной деятельности человека для природной среды хорошо изучены, документированы и, если можно так выразиться, «оцифрованы».

Превышение биоемкости планеты. Под биоемкостью (biocapacity) понимают способность экосистем регенерировать потребляемые людьми ресурсы и поглощать отходы. Биоемкость, как и фактическое потребление, так называемый «экологический след» (ecological footprint), измеряют в условных «глобальных гектарах» (гга) биологически продуктивной площади суши и акваторий, необходимой в течение года для воспроизводства потребляемых ресурсов и поглощения отходов. Учитывается, естественно, рост мирового населения. Согласно исследо-

ваниям организации *Global Footprint Network*, в 2016 г. биологический баланс человечества в расчете на душу населения выглядел следующим образом:

Биологическая емкость планеты (воспроизводство)..... 1,6 гга/чел.

Экологический след человечества (потребление)..... 2,8 гга/чел.

Превышение порога биоемкости (дефицит)1,2 гга/чел.

Биологическая емкость планеты – это тот порог, который нельзя переходить без риска нарушить биосферное равновесие. Как видно из приведенных цифр, этот порог уже превышен на 75 %. Это равнозначно тому, как если бы человек имел в своем распоряжении не одну планету, равную земному шару, а 1,75 такой планеты [National... 2019]. Можно выразить это иначе: при нынешнем темпе роста ежегодного потребления биоресурсов превышение порога биоемкости (*overshoot*) наступает в течение нескольких месяцев, и этот период все более сокращается. В 2000 г. символическая календарная дата превышения пришлась на 4 октября, в 2019 г. – уже 29 июля [Earth... 2019].

Мы берем ресурсы в долг у природы, и этот долг растет! Впервые экологический след человечества превысил биоемкость планеты в начале 70-х гг. прошлого века, и затем этот разрыв продолжал нарастать, достигнув объема, равного 17-летней земной биопродукции. За полвека, с 1970 по 2016 г., общий объем извлечения биомассы из окружающей среды увеличился на планете примерно в 2,7 раза – с 9 млрд т в год до 24 млрд т [UN Environment 2018]. Почти половина от этого количества приходится на четыре страны – Китай, Индию, Бразилию и Соединенные Штаты.

Перед мировым сообществом маячила перспектива истощения некоторых возобновляемых ресурсов. Сокращаются площади лесных массивов, пахотных земель, запасы пресной воды, популяции позвоночных, рыбные ресурсы, содержание кислорода в атмосфере. Возобновляемые ресурсы фактически перестают быть таковыми, поскольку уже не восстанавливаются в приемлемом количестве и качестве. И недопустимо растет «углеродный след»: эмиссия продуктов сгорания ископаемого топлива превысила поглощающую способность земной поверхности.

Угроза истощения других природных ресурсов. Добыча *всех* природных материалов увеличилась в мире с 22 млрд т в 1970 г. до 70 млрд т в 2010 г., то есть более чем в три раза [Global... 2017]. С начала XXI в. темпы роста добычи ускорились, и к 2017 г. общая масса добываемых природных материалов возросла до 86 млрд т – почти в четыре раза по сравнению с 1970 г. [Ibid.] По данным одного специального исследования, учитывавшего расход как возобновляемых, так и невозобновляемых ресурсов, в 123 странах из 140 оцениваемый природный капитал в 1990–2014 гг. сокращался в среднем на 0,7 % ежегодно, тогда как их ВВП продолжал расти. При этом невозобновляемые ресурсы (особенно ископаемое топливо) сокращались быстрее, чем возобновляемые [Inclusive... 2018].

Изменение климата. Нарастающие масштабы и темпы использования ископаемого топлива в качестве источника энергии привели к изменению климата на всей планете. По оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата, с 1750 по 2011 г. совокупный объем антропогенной эмиссии CO₂ в атмосферу составил 2040 (±310) млрд т. Половина этого количества пришлась на последние полвека. Часть выбросов (около 40 %) остается в атмосфере, вызывая существенное повышение концентрации углекислоты – основной причины гло-

бального потепления, провоцирующего изменение климата. Вероятность повышения приземной температуры на планете в текущем столетии, то есть к концу XXI в., оценивается экспертами, согласно самому неблагоприятному, но реалистическому сценарию, в пределах от 2,6 до 4,8 °С [Climate Change 2014]. Это привело бы к самым пагубным и необратимым последствиям для человека и экосистем.

Повышение средней приземной температуры в период между 2030 и 2052 г. эксперты прогнозируют как минимум на 1,5 °С, что повлечет дальнейшее увеличение рисков для природных систем и человека. Допускается, правда, возможность стабилизации глобального потепления к этому времени на уровне 1,5 °С при условии ускоренного и далеко идущего сокращения эмиссии CO₂. Но нужно, чтобы эмиссия сократилась при этом на 40 % к 2030 г. и до нуля к 2050 г. [Global... 2018], что маловероятно.

Природные катаклизмы. Изменение климата сопровождается в последние несколько десятилетий все более частыми и разрушительными стихийными бедствиями, связанными с погодой – ураганами, штормами, наводнениями, засухами, волнами сильной жары, лесными пожарами. По данным доклада ООН о людских потерях в результате стихийных бедствий, связанных с погодой, с 1995 по 2015 г. в мире произошло 6457 таких природных бедствий, в них погибло более 600 тыс. человек; 4,1 млрд пострадали, то есть получили ранения, лишились жилья или оказались в категории лиц, нуждающихся в помощи [Новости... 2015]. Замечено, что число геофизических катастроф (землетрясения, извержения вулканов) остается практически неизменным, тогда как количество гидрометеорологических, связанных с нарушением устойчивости биосферы, растет.

Загрязнение окружающей среды. Продукты сгорания углеводородного топлива оседают в атмосфере. Сброс сточных вод отравляет реки и водоемы. Химикаты загрязняют почвы. Гербициды убивают пчел. Кислотные дожди губят леса. Бытовой мусор оседает целыми островами на поверхности океанов. Загрязнение среды бумерангом бьет по здоровью самих людей. По оценке экспертов, 3,5 млрд человек, то есть половина мирового населения, живет на территориях, где уровень загрязнения атмосферы (unsafe air quality) превышает порог безопасности для людей. В мире ежегодно из-за загрязнения воздуха преждевременно умирает более 5 млн человек [Wending *et al.* 2018: 39]. К 2060 г. эта цифра может достичь 6–9 млн. Заболеваемость вследствие загрязнения воздуха может к тому времени увеличиться в три раза – до 36 млн случаев в год у детей и до 10 млн случаев у взрослых [Upton...].

Под угрозой геном человека. Антропогенное изменение окружающей среды приводит к тому, что она все меньше соответствует биологическим константам человека, хотя люди на первых порах могут этого и не замечать. При этом на человека воздействуют не только изменения в природной среде, но и антропогенные факторы, порождаемые техногенной сферой, неблагоприятными социально-экономическими условиями, и они могут быть даже более губительны. В силу экологических причин происходит массовое снижение иммунитета. Отсюда рост числа генетически обусловленных заболеваний, психических расстройств, суицидов, перверсий разного рода и пр. Возникает угроза для устойчивости генома человека [Данилов-Данильян, Лосев 2003: 259; 2006: 923]. Ослабляется, несмотря на

все усилия медицины, его сопротивляемость инфекционным заболеваниям, создаются условия (вследствие качественно возросшей интенсивности человеческих коммуникаций) для распространения опаснейших эпидемий, их перерастания в пандемии, последняя из которых, пандемия коронавируса, поразила в 2020 г. десятки миллионов людей и унесла более миллиона жизней.

Природа и Общество

Экзамен на разумность мы еще не сдали...

Частное мнение

Европейские мыслители с давних времен стремились найти подтверждения для оптимистического взгляда на будущее с позиции Разума человека. В 20-е гг. прошлого века это естественное желание привело, на волне достижений современного естествознания, к появлению учения о ноосфере (царстве Разума) как новой стадии естественной эволюции (Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден) или как нового состояния биосферы, возникающего в результате сознательного и целенаправленного воздействия на нее человека – в понимании В. И. Вернадского. Этот взгляд получил развитие в трудах академика Н. Н. Моисеева, в его концепции универсального эволюционизма и в трактовке ноосферы как синонима коэволюции природы и человека, то есть их *взаимной адаптации*, совместного, согласованного развития. С появлением человека, полагал он, роль Разума в дальнейшем постепенном развитии биосферы становится определяющей [Моисеев 1995].

Идея коэволюции сразу же вызвала веские возражения. Временные параметры эволюции природы и развития общества несопоставимы. Уже по этой причине нет оснований предполагать возможность эволюции биосферы «в сторону человека» [Данилов-Данильян 1998], если не говорить о ее деградации в результате чрезмерной антропогенной нагрузки. Непреодолимым препятствием для искусственного регулирования окружающей среды как целостной системы является то, что энергетическая мощность биосферных процессов на много порядков превосходит возможности имеющихся ныне в распоряжении человека технических средств. Если же человечество когда-нибудь в будущем сумело бы овладеть техническими средствами и источниками энергии, способными обеспечить регулирование окружающей природной среды, то пришлось бы затрачивать на это почти все созданные энергетические мощности, причем побочный ущерб превзошел бы ожидаемые позитивные результаты [Данилов-Данильян, Лосев 2003: 265–267]¹.

В представлении о возможности *взаимной* адаптации природы и общества просматривается невольная, может быть, дань старой традиции телеологического мышления. На деле это человечество в конечном счете должно приспособлять свои организацию и бытие к изменяющимся вследствие его же деятельности природным условиям. Не увеличение воздействия человека на природную среду, что ведет к ее деградации, а снижение антропогенного воздействия до предельного

¹ Упомянуть об этом приходится потому, что и сейчас в серьезных научных публикациях приходится встречать ссылки на идею коэволюции человека, природы и общества как на некую аксиому [Залиханов, Степанов 2018: 135].

уровня несущей емкости биосферы – вот что является единственной реальной альтернативой.

Справедливости ради надо сказать, что Н. Н. Моисеев не был столь категоричен в вопросе о коэволюции, как можно было бы подумать, судя по отдельным его высказываниям. Он говорил об этом как о возможности – *если* человеку «хватит мудрости и воли» [Моисеев 1995: 212]. Будучи частью природы, считал Моисеев, человечество «не может не подчиняться ее законам» [Там же: 230]. Придавая особое значение «проблеме человека», он подчеркивал необходимость изменения самого общества, общественных потребностей, нравственных ценностей как главных условий «согласования человеческой деятельности с возможностями Природы» [Там же: 222].

Понятие коэволюции сопровождалось у Моисеева существенными оговорками: оно «расплывчато», его еще требуется «уяснить», «конкретизировать» [Там же: 230]. Не скрывал он и своих сомнений в способности «коллективного Разума» обеспечить «направляемое развитие» биосферы. Важный психологический штрих: как он сам признавался, его всегда тяготил «диктат реальности», хотелось в самой действительности найти, увидеть возможности оптимистических исходов [Там же: 255]. «Но состоится ли нынешний человек как носитель этого объединенного Разума? – размышлял он. – Хочется думать, что так оно и будет. Но такое предположение представляется даже не гипотезой, а догматом веры» [Там же: 263]. И, возлагая надежды на торжество Разума, сопровождал это примечательной оговоркой: «...хотя может оказаться, что именно он и является основным разрушителем» [Там же: 140].

Н. Н. Моисеев предвидел – и с большой тревогой говорил и писал об этом, – что при ускоряющемся росте антропогенной нагрузки на биосферу сохранение гомеостаза *Homo sapience* невозможно. Человек «потенциально способен уничтожить не только самого себя, но и всю биосферу» [Там же: 208]. Его худшие опасения, как мы знаем теперь, подтверждаются, преобладание негативных, разрушительных тенденций становится все более очевидным. И, напротив, не оправдались надежды на нечто такое, что свидетельствовало бы о движении в сторону коэволюции общества и природы (если не относить это понятие к явно недостаточным пока природоохранным мерам).

Понятное желание видеть будущее в более привлекательном виде приводит к появлению различных, подчас весьма экзотических и максималистских экологических утопий. Это можно сказать, например, о проекте «универсального конструктивизма», презентуемого в качестве «новой философии глобальной цивилизации» [Ильин 2019: 16]. Здесь человек-творец мыслится в роли *сверхчеловека*, «хозяина, господина, владетеля, распорядителя мирового целого», упраздняющего «привычное сущее» и учреждающего «человекообразное сущее», определяемое не объективным природным, а субъективно-проектным законом. Поскольку «царство природы с его законами не удовлетворяет потребностей Homo», человек должен и может «путем применения штыкового удара (!) творческого полагания» превозмочь царство природы и сформировать «иноприродное царство культуры – собственного антропного существования» [Там же: 25].

Философия «универсального конструктивизма» наглядно показывает, как далеко может завести и, возможно, уже заводит субъективистский подход с позиции

восторженного технооптимизма – этого побочного продукта впечатляющих достижений современного научно-технического прогресса. Однобокое увлечение техницизмом сопряжено с немалыми рисками и опасностями, оно уводит в сторону от решения актуальных задач, которые ставит перед мировым сообществом глобальный экологический кризис, перерастающий на наших глазах в общий кризис цивилизации.

Стихийность, несмотря на все достижения информационно-коммуникационных технологий, остается характерной чертой мирового общественного развития. Преобладание стихийности придает ему инерционность, которая имеет некий неопределенный *вектор*, но не имеет осознанной общей *цели*. Современное общество, проникнутое рыночными отношениями, гипертрофирует частные, эгоистические интересы. Побудительные мотивы деятельности большинства людей определяются обычно повседневными нуждами и заботами, а не проблемами общественного целого и тем более не общечеловеческими интересами. Долгосрочные интересы, отдаленные последствия принимаемых решений, горизонты будущего воспринимаются – причем не только на обывательском, но часто и на политическом уровне – как нечто слишком неопределенное, чтобы исходить из этого «здесь и сейчас».

Будучи результатом бесчисленного множества индивидуальных действий, побуждаемых обстоятельствами, которые люди сами, как правило, не выбирали, и разными, несовпадающими или противоположными мотивами, общественное развитие не может не приводить к непредвиденным последствиям. Поэтому императивным требованием становится осознание опасных последствий стихийности общественного развития и подчинение его известной степени сознательного контроля, основанного на предвидении грозящих опасностей и способного ограничивать их и предотвращать [Вебер 2020].

Пока что перспективы решения этой задачи выглядят туманно. Даже индивидуальный и групповой эгоизм (в его самых негативных проявлениях) удастся сдерживать со все большим трудом. С национальным и национально-государственным эгоизмом дело обстоит еще хуже. Пресловутая геополитика с ее упором на национальные интересы, подлинные или мнимые, и пренебрежение глобальными угрозами для человечества все больше сказываются на общем положении в мире. Разрастание очагов вражды и ненависти сопровождается новыми витками гонки вооружений, усилением международной напряженности, балансированием на грани войны. Мир все больше отклоняется от оптимальной с точки зрения общего блага траектории развития.

Глобальное неравенство и гегемонизм

Самые опасные противостояния, которые возникнут и уже начинают возникать, будут связаны с проблемами экологии... И с проблемами раздела ресурсов, то есть богатств, которые дала природа и которых заведомо недостаточно для удовлетворения существующих appetitов.

Н. Н. Моисеев

Крайнее неравенство по условиям жизни и доходам – одна из главных социальных проблем современного мира. Глобальное неравенство, каким оно стало сегодня, – следствие успехов промышленного развития стран Запада в последние полтора-два столетия. Если, по имеющимся данным, в XVIII в. доход на душу населения в Западной Европе превосходил аналогичный показатель в Индии или Китае не более чем на 30 %, то к 1870 г. в индустриальной части Европы он уже был в 11 раз выше, а к 1995 г. превышение стало **50-кратным** [Бауман 2002: 22–23].

Рыночные механизмы наиболее развитых стран ориентированы на потребительский тип поведения – с его современными запросами, все чаще далеко уходящими от того, что можно было бы считать достаточным для нормальных и достойных условий жизни в существующих условиях. В наиболее развитых странах Запада потребление товаров и услуг во много раз превышает уровень потребления большинства населения в развивающихся странах, где очень многие не могут удовлетворить даже самых элементарных своих потребностей. Около 3 млрд человек в этой части мира живут менее чем на **три доллара** в день на душу населения и еще 1,5 млрд – в пределах 10–20 долларов [World Bank. Global...], тогда как в Соединенных Штатах ежедневные затраты на частное потребление в 2018 г. достигали в среднем не менее **140 долларов** на душу населения [World Bank. World...], что по сравнению с беднейшей частью мирового населения примерно в **50 раз больше**. Доля США в мировых потребительских расходах в «нулевые» годы достигала 32 %, а доля всех развитых стран – 78 % [Игнатьева 2010: 81]. Чтобы обеспечить для всех стран мира уровень жизни, привычный для среднего американца, потребовалось бы по меньшей мере пять таких планет, как Земля [Вайцеккер и др. 2013: 7].

Достигнутый странами Запада более высокий уровень жизни, культивируемая там модель «общества потребления» требуют, естественно, соответствующих ресурсных затрат. В промышленную эпоху возникло и распространилось на постиндустриальный период растущее неравенство в использовании природных ресурсов между более развитыми и развивающимися странами. Страны Запада потребляют значительно большую долю земных природных ресурсов, чем их «вес» в мировом населении, что в условиях ограниченности этих ресурсов и избыточной их эксплуатации неизбежно ведет к борьбе за ресурсы, за сферы влияния, к росту напряженности в международных экономических и политических отношениях [Чумаков 2019: 62–68].

Страны мира находятся в неравных условиях с точки зрения величины их экологического следа (использования биоресурсов). В большинстве государств он превышает допустимый расчетный порог (в 2017 г. – 1,7 гга/д.н.), но в разной степени. Как правило, он больше у промышленно развитых стран (США, Япония, большинство европейских), а также у некоторых развивающихся стран с большой численностью и/или плотностью населения (Китай, некоторые другие государства в Азии). Так, в Соединенных Штатах он выше допустимого порога примерно **в 5 раз** (8,1 гга/д.н.), в Германии – в 3 раза (4,8 гга/д.н.), во Франции, Великобритании, Японии – примерно в 2,5 раза (4,4–4,5 гга/д.н.), в Китае – в 2 раза (3,6 гга/д.н.) [UN Environment 2018].

При этом важно иметь в виду не только размер экологического следа как такового, но и его соотношение с показателем биоемкости, обусловленное природными условиями данной страны. В названных выше странах биопотребление существенно превышает их биоемкость, то есть налицо дефицит биоресурсов, возмещаемый, так или иначе, за счет других стран. Но есть и страны, где биоемкость превышает экологический след, и хотя потребление ими биоресурсов тоже выше допустимого порога, у них сохраняется тем не менее значительный резерв биоемкости. В их числе Россия, а также, и даже с большим запасом, Канада, Австралия, Бразилия, Аргентина. А вот Индия, где потребление биоресурсов (на душу населения) не превышает допустимого порога, имеет все же дефицит – ввиду огромной численности населения, суммарные потребности которого в биоресурсах превосходят биоемкость территории страны.

Не менее показателен разрыв между странами мира по их «следу» от использования *всех* природных материалов (material footprint). Так, в США их потребление в 2017 г. составляло 20,7 т/д.н., что **в 5 раз** больше, чем в среднем в Латинской Америке, в 4 раза больше, чем в Африке, и в 2 раза больше, чем в странах Азии [UN Environment 2018]. Хотя Китай, Индия и некоторые другие развивающиеся страны сумели в последние десятилетия нарастить темпы промышленного развития, увеличив свою долю используемых природных ресурсов (доля стран Азии и Тихоокеанского региона в общем объеме экстракции возросла с 25 % в 1970 г. до более 50 % в 2010 г.), разительный контраст в возможностях их использования сохраняется. Это особенно хорошо видно при сравнении показателей стран с самым высоким индексом человеческого развития (ИЧР) и с самым низким. Первые, по данным на 2017 г., использовали 25 т природных материалов на душу населения, тогда как бедные страны с низким ИЧР – 2,5 т, то есть **в 10 раз** меньше [Global... 2017].

В этих условиях на Западе не могли не возникнуть, а потом и все больше усиливаться сомнения в прочности достигнутого странами «золотого миллиарда» благополучия. Стремление сохранить доминирующие позиции в мире перед лицом естественного стремления бедных стран улучшить свое положение, уровень жизни населения и меняющейся расстановки сил на мировой арене получает выражение в агрессивных гегемонистских притязаниях со стороны США и некоторых их европейских союзников, особенно после распада СССР.

После Второй мировой войны в правящих кругах Соединенных Штатов, постепенно освобождавшихся от влияния изоляционистских взглядов, укрепилось мнение, что в интересах своей национальной безопасности США должны стремиться к глобальной гегемонии. Более того, возникло убеждение, что Америка ввиду своей «исключительности», своей экономической и военной мощи вправе претендовать на мировое господство. На смену потерпевшему крушение пангерманизму пришла идея *Pax Americana* – представление о том, что грядущие годы должны стать американским веком, а Америка – гарантом распространения и внедрения американских ценностей по всему миру.

Идея *Pax Americana* основывается на уверенности в «избранности» американской нации, в собственном превосходстве и непогрешимости, в вытекающем отсюда праве навязывать другим свои моральные установки и правила, вмешиваться во внутренние дела других народов и стран, вплоть до применения силы. Эта

система взглядов стала идеологическим стержнем американской политики имперского гегемонизма, своим острием направленной в первую очередь против государств, способных и готовых занимать независимую позицию, противостоять гегемонистским притязаниям и препятствовать тем самым доминированию Запада на мировой арене.

Распадом Советского Союза, воспринятым в американских правящих кругах как их «победа» в холодной войне, они воспользовались для активизации геополитической экспансии. Тем более что, оставшись единственной ядерной сверхдержавой, США оказались вместе с тем перед лицом новых для них глобальных вызовов, связанных с изменяющейся расстановкой сил на мировой арене, с возвышением Китая, с укреплением экономических и политических позиций некоторых других развивающихся стран, с обострением проблемы доступа к ограниченному мировым ресурсам сырья и т. п.

В этих условиях главная задача усматривалась в том, чтобы не допустить возрождения и укрепления России, ее международных позиций как «доминирующей и антагонистичной» евразийской державы [Бжезинский 2010]. В первую очередь имелось в виду противопоставить России бывшие советские республики, ставшие самостоятельными государствами, привязать их к западной системе союзов. Чтобы «соответствовать интересам Америки», Россия должна быть изолирована, ослаблена, в лучшем случае ей отводилась роль «младшего партнера», ассимилированного в западноевропейское сообщество [Overextending... 2019]².

Эти геостратегические цели подразумевали не в последнюю очередь перспективу новых возможностей беспрепятственного доступа США, американского капитала к богатейшим природным ресурсам Евразии. Особое значение в этой связи придавалось возможностям Украины с ее природным потенциалом, Азербайджана – как коридора для доступа Запада к богатому энергетическими ресурсами бассейну Каспийского моря, Узбекистана – как регионального центра Средней Азии.

Значение природных ресурсов, особенно энергетических, как фактора национальной безопасности имеет под собой объективные основания. Испытывая растущие потребности в природных ресурсах, промышленные страны становились все более зависимыми от их импорта, а они к тому же стали все больше дорожать по причине ограниченности, истощения и необходимости для добывающих компаний обращаться к менее доступным и более удаленным месторождениям [Чумаков 2019: 62–63].

Правящие круги США возвели гарантии ресурсного обеспечения в ранг одной из главных государственных задач. «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» [A National... 1998] трактовала возможность «чрезмерной» (nonsustainable) эксплуатации другими странами (своих!) природных ресурсов как угрозу национальной безопасности Америки. Природные ресурсы других стран, а также более чистая окружающая среда были отнесены к числу жизненно важ-

² Занимающийся стратегическими исследованиями американский аналитический центр *RAND Corporation* разработал для администрации США конкретные рекомендации, как лучше использовать «уязвимости» России, чтобы заставить ее «перенапрягаться» и тем самым ослаблять. Особое место в этих рекомендациях отводится рассчитанным на изматывание России «геополитическим мерам» в отношении Украины, Беларуси, Молдовы, Закавказья, а также Центральной Азии.

ных интересов Соединенных Штатов. Поэтому, по мнению разработчиков «Стратегии...», США вправе делать все, что может потребоваться для защиты этих интересов, в том числе, при необходимости, использовать «в одностороннем порядке и самым решительным образом» свою военную мощь.

Эта политика как в прошлом, так и сегодня недальновидна и бесперспективна. Она не только антагонизирует остальной мир, подрывая способность США претендовать на роль лидера хотя бы в рамках трансатлантического сообщества, но и обернулась глубоким социально-политическим кризисом самого американского общества. Оправдалось пророческое предостережение Генри Киссинджера: «Путь к имперскому статусу ведет к загниванию самой страны, поскольку с течением времени претензии на всемогущество разрушают внутренние барьеры. <...> И по мере того как вызовы, с которыми сталкивается империя, становятся все более многочисленными и возникают вне исторической связи с внутренними проблемами, борьба внутри страны принимает все более ожесточенный, а со временем и все более агрессивный характер. Намеренное стремление к гегемонии – это наиболее верный путь к разрушению ценностей, сделавших Америку великой» [Киссинджер 2002: 325].

Гегемонистские соблазны порождают ложные надежды, отвлекают и уводят в сторону от решения насущных задач внутренней и внешней политики, которые диктуются меняющимися условиями бытия человечества. Противодействие действительным глобальным угрозам требует скоординированных и целенаправленных коллективных усилий всего мирового сообщества. Ни одно государство, даже самое мощное, не может в одиночку противостоять этим угрозам, а следовательно, не может и сколько-нибудь эффективно защитить собственные национальные интересы. Мир нуждается в международном взаимодействии, адекватном новым угрозам, в соглашениях и институтах, способных обеспечивать необходимый уровень глобального регулирования мировых процессов.

Заключение

Гегемонистские притязания западных держав загоняют мировое развитие в зловещий тупик, блокируя фактически перспективу единственной разумной альтернативы – политики устойчивого развития, основанной на согласованных общих целях и международном сотрудничестве. Хотя программа целей устойчивого развития была декларирована саммитом ООН, на практике она не стала и в сложившихся обстоятельствах не может стать приоритетом в мировой политике. Отдельные государства и международные организации пытаются кое-что делать в этом направлении, но их усилия недостаточны и не могут переломить преобладающие негативные, разрушительные тенденции.

У концепции устойчивого развития много противников, руководствующихся своими эгоистическими интересами и/или идеологическими предрассудками. Одни ссылаются на дурную практику повседневности (в этом, конечно, нет никакой логики); другие утверждают, что цели устойчивого развития вообще нереализуемы. Это утверждение было бы справедливо, если исходить из первоначального определения устойчивого развития, когда в качестве критерия принималось сохранение для будущих поколений потребительских возможностей, существующих сегодня в развитых странах.

Действительная цель устойчивого развития в ее современном понимании – выживание человечества, то есть развитие мирового социума в пределах несущей способности экосистем, в согласии с природой [Данилов-Данильян 2006]. На смену бездумному консюмеризму и утилитарному, потребительскому отношению к природе должна прийти иная ценностная ориентация – осознание самоценности природы, ограниченности доступных ресурсов, невозможности бесконечного экономического роста, этические принципы достаточности, умеренности и ответственности.

Мир нуждается в *фундаментальном пересмотре* всего технологического, экономического и политического подхода к тому, как развитие практиковалось на протяжении многих десятилетий ранее [Weizsäcker, Wijkman 2018: 44]. Мировому сообществу представлено немало убедительных доказательств того, что устойчивое развитие – это в принципе достижимая цель, если идти по пути отказа от иррациональных способов производства и потребления и придерживаться принципа достаточности. Римский клуб опубликовал на эту тему два фундаментальных доклада, содержащих конкретные примеры практической возможности радикального сокращения удельных материальных затрат в различных отраслях хозяйства без ущерба для роста производства [Вайцзеккер и др. 2000; 2013]. Аргументированное обоснование возможностей и реальных выгод перехода к экологически ориентированной модели производства и потребления представлено в докладе Глобальной комиссии по вопросам экономики и климата [The New Climate... 2018]. Есть другие подобные исследования. Доказана и практическая возможность сокращения эмиссии парниковых газов, снижения уровня промышленных и бытовых отходов, их переработки и т. п.

Продвижение в этом направлении требует изменения политики, переноса упора с решения военно-стратегических задач на созидательные цели, готовности к необходимым компромиссам, скоординированных совместных усилий великих держав, всего мирового сообщества. Именно это предлагали лидеры России и Китая в своих выступлениях на 75-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Однако правящие круги США и их союзники по НАТО упорно держатся за неолиберальную модель общества и ищут решения своих проблем на путях гегемонистской политики. Пресловутая ноосфера становится ареной «организованного безумия» (Вилли Брандт). Избежать худшего можно лишь в том случае и тогда, если и когда большинство государств, их руководителей станут исходить в своих действиях на мировой арене из той высшей цели, какой должно быть сохранение на планете условий для выживания человечества.

Когда и как это произойдет, трудно сказать. Впереди долгий и трудный путь. Речь идет о долгосрочных целях, решаемых лишь в вековом масштабе. Потребуется терпеливые усилия нескольких поколений, чтобы достичь желаемого результата. Возможно, человечеству придется еще пережить жесточайшие потрясения, прежде чем в сознании людей произойдет мировоззренческий поворот такого масштаба, чтобы это привело к изменению вектора цивилизационного развития в нужном направлении.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М. : Международные отношения, 2010.
- Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат половина, отдача двойная. Новый доклад Римскому клубу. М. : Academia, 2000.
- Вайцеккер Э., Харгроуз К., Смит М. и др. Фактор пять. Формула устойчивого роста – доклад Римскому клубу. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013.
- Вебер А. Б. Почему социальное развитие приводит к разладу человека с природой // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 1. С. 9–26.
- Данилов-Данильян В. И. Возможна ли коэволюция природы и общества? // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 15–25.
- Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : ИД «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.
- Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Глобальный экологический кризис: теоретический анализ и возможные сценарии // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М. : Альпина-Паблишер, 2003.
- Залиханов М. Ч., Степанов С. А. Академик Н. Н. Моисеев и некоторые его методологические подходы к пониманию современной научной картины мира // Век глобализации. 2018. № 1. С. 131–142.
- Игнатьева А. А. «Потребительский переход»: сможет ли из экономического кризиса появиться обновленная экономика // Россия в окружающем мире: 2010. Аналитический ежегодник / отв. ред. Н. Н. Марфенин. М. : Изд-во МНЭПУ, 2010.
- Ильин В. В. Универсальный конструктивизм – новая философия глобальной цивилизации // Век глобализации. 2019. № 4. С. 16–25.
- Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М. : Ладомир, 2002.
- Моисеев Н. Н. Современный рационализм. Б. м. : МГВП КОКС, 1995.
- Новости ООН, 23 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/11/1275681> (дата обращения: 12.05.2016).
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.
- Яницкий О. Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3. С. 5–22.
- A National Security Strategy for a New Century [Электронный ресурс] : The White House. 1998. October. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/2959pdf/> (дата обращения: 30.06.2020).
- Climate Change 2014. Synthesis Report. (Summary for Policymakers) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/syr> (дата обращения: 24.09.2019).
- Earth Overshoot Day was July 29 [Электронный ресурс]. URL: https://overshootday.org/content/uploads/2019/07/2019_Past_Overshoot-Days-withlogo.jpg (дата обращения: 21.10.2019).

Global Material Flows and Resource Productivity: Forty Years of Evidence // Journal of Industrial Ecology. 2017. No. 22(1) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net> (дата обращения: 20.09.2020).

Global Warming of 1,5 °C. An IPCC Special Report on the Impacts of Global Warming of 1,5 °C... IPCC, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/05/SR15_SPM_version_report_LR.pdf (дата обращения: 15.08.2019).

Inclusive Wealth Report 2018: Executive Summary [Электронный ресурс]. URL: greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/resource/inclusive_wealth_report_2018_executive%20... (дата обращения: 30.10.2019).

National Footprint and Biocapacity Accounts 2019 Edition [Электронный ресурс]. URL: <https://www.footprintnetwork.org/resources/data> (дата обращения: 21.10.2019).

Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impacts of Cost-Imposing Options. Research Brief. April 2019; Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europa and Eurasia. October 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rand.org/> (дата обращения: 08.10.2020).

The New Climate Economy. The 2018 Report of the Global Commission on the Economy and Climate [Электронный ресурс]. URL: https://newclimateeconomy.report/2018/wp-content/uploads/sites/6/2019/04/NCE_2018_Report_Full_FINAL.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

UN Environment, 2018. Global Material Flows Database. Accessed through Resource Watch [Электронный ресурс]. URL: www.ressourcwatch.org (дата обращения: 20.09.2020).

Upton S. Air Pollution's True Costs [Электронный ресурс] : Project Syndicate. URL: <https://project-syndicate.org/print/human-cost-of-air-pollution-by-symon-upton-2016-08> (дата обращения: 15.12.2016).

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York : Springer, 2018.

Wending Z. A., Emerson J. W., Esty D. C., Levy M. A., de Sherbinin A. *et al.* 2018 Environmental Performance Index. New Haven, LT: Yale Centre for Environmental Law & Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://epi.envirocentre.yale.edu/downloads/epi2018reportv06191901.pdf>.

World Bank. Global Consumption Data for Inclusive Business. URL: <https://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 27.09.2020).

World Bank. World Development Indicators [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 27.09.2020).

References

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society]. Moscow : Logos, 2002.

Brzezinski Z. Velikaja shahmatnaja doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010.

Weizsäcker E., Lovins A., Lovins L. Faktor chetyre. Zaträt – polovina, otčacha dvojnaja. Novyj doklad Rimskomu klubu [Factor Four. Halving Resorce Use, Doubling Wealth. New Report to the Club of Rome]. Moscow : Academia, 2000.

Weizsäcker E., Hargroves Ch., Smith M. *et al.* Faktor pjät'. Formula ustoyčivogo rosta – doklad Rimskomu klubu [Factor Five. Sustainable Growth Formula – Report to the Club of Rome]. Moscow : AST Press Kniga, 2013.

Weber A. B. Pochemu sotsialnoje razvitije privodit k razladu čeloveka s prirodoy [Why Social Development Leads to Discord between Man and Nature] // Sotsiologičeskaja nauka i sotsialnaja praktika. 2020. No. 1. Pp. 9–26.

Danilov-Danil'yan V. I. Vozmozhna li koevoljucija prirody i obshhestva? [Is it Possible to Co-Evolve Nature and Society?] // Voprosy filosofii. 1998. No. 5. Pp. 15–25.

Danilov-Danil'yan V. I. Ustojčivoe razvitie [Sustainable Development] // Globalistika: Mezhdunarodnyj enciklopedičeskij slovar' [Global Studies: International Encyclopedic Dictionary] / ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov. Moscow; St. Petersburg; New York : ELIMA Publishers, Piter Publishers, 2006.

Danilov-Danil'yan V. I., Losev K. S. Global'nyj ekologičeskij krizis: teoretičeskij analiz i vozmozhnye scenarii [A Global Ecological Challenge: Theoretical Analysis and Tentative Scenarios] // Grani Globalizacii: trudnye voprosy sovremennogo razvitija [Facets of Globalization: Difficult Issues of Contemporary Development]. Moscow : Alpina Publishers, 2003.

Zalihanov M. Ch., Stepanov S. A. Akademik N. N. Moiseev i nekotorye ego metodologičeskie podhody k ponimaniju sovremennoj nauchnoj kartiny mira [Moiseev and Some of his Methodological Approaches to Understanding of the Modern Scientific Worldview] // Vek globalizatsii. 2018. No. 1. Pp. 131–142.

Ignat'eva A. A. "Potrebitel'skij perechod": smozhet li iz ekonomičeskogo krizisa poyavit'sja obnovlennaja ekonomika? ["Consummation Transition": Can a New Economy Emerge From the Recession?] // Rossija v okružhajušhem mire: 2010 [State of Russia in the Surrounding World: 2010] / ed. by N. N. Marfenin. Moscow : MNEPU-IEPS Press, 2010.

Il'in V. V. Universal'nyj konstruktivism – novaja filosofija global'noj civilizacii [Universal Constructivism – a New Philosophy of Global Civilization] // Vek globalizatsii. 2019. No. 4. Pp. 16–25.

Kissinger H. Nuzhna li Amerike vneshnjaja politika? [Does America Need a Foreign Policy?] Moscow : Ladomir, 2002.

Moiseev N. N. Sovremennij racionalism [Modern Rationalism]. N. p. : MGVP KOKS Publ., 1995.

Novosti OON [UN News]. 2015. November 23. URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/11/1275681> (accessed: 12.05.2016).

Chumakov A. N. Global'nyj mir: stolknovenie interesov [Global World: The Clash of Interests]. Moscow : Prospect, 2019.

Janickij O. N. Sociobiotehničeskie sistemy: novyj vzgljad na vzaimodejstvie čeloveka i prirody [Sociobiotechnical Systems: A New Approach to Humanity-Nature Interaction] // Sotsiologičeskaja nauka i sotsial'naya praktika. 2016. Vol. 4. No. 3. Pp. 5–22.

A National Security Strategy for a New Century. The White House. 1998. October. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/2959pdf/> (accessed: 30.06.2020).

Climate Change 2014. Synthesis Report. (Summary for Policymakers). URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/syr> (accessed: 24.09.2019).

Earth Overshoot Day was July 29. URL: https://overshootday.org/content/uploads/2019/07/2019_Past_Overshoot-Days-withlogo.jpg (accessed: 21.10.2019).

Global Material Flows and Resource Productivity: Forty Years of Evidence // Journal of Industrial Ecology. 2017. June. No. 22(1). URL: <https://www.researchgate.net> (accessed: 20.09.2020).

Global Warming of 1,5 °C. An IPCC Special Report on the Impacts of Global Warming of 1,5 °C... IPCC, 2018. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/05/SR15_SPM_version_report_LR.pdf (accessed: 15.08.2019).

Inclusive Wealth Report 2018: Executive Summary. URL: greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/resource/inclusive_wealth_report_2018_executive%20summary.pdf (accessed: 30.10.2019).

National Footprint and Biocapacity Accounts 2019 Edition. URL: <https://www.footprintnetwork.org/resources/data> (accessed: 21.10.2019).

Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impacts of Cost-Imposing Options. Research Brief. April 2019; Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europa and Eurasia. October 2019. URL: <https://www.rand.org/> (accessed: 08.10.2020).

The New Climate Economy. The 2018 Report of the Global Commission on the Economy and Climate. URL: https://newclimateeconomy.report/2018/wp-content/uploads/sites/6/2019/04/NCE_2018_Report_Full_FINAL.pdf (accessed: 01.11.2019).

UN Environment 2018. Global Material Flows Database. Accessed through Resource Watch. URL: www.ressourcewatch.org (accessed: 20.09.2020).

Upton S. Air Pollution's True Costs // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/human-cost-of-air-pollution-by-simon-upton-2016-08> (accessed: 15.12.2016).

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York : Springer, 2018.

Wending Z. A., Emerson J. W., Est D. C., Levy M. A., de Sherbinin A *et al.* Environmental Performance Index. New Haven, LT: Yale Centre for Environmental Law & Policy. URL: <https://epi.envirocentre.yale.edu/downloads/epi2018reportv06191901.pdf> (accessed: 01.11.2019).

World Bank. Global Consumption Data for Inclusive Business. URL: <https://data-bank.worldbank.org/> (accessed: 27.09.2020).

World Bank. World Development Indicators [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/> (accessed: 27.09.2020).